

На правах рукописи

Ицкович Михаил Александрович

**ИНГЛИЗИЗМ В РОССИИ 1860-Х ГОДОВ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ**

07.00.02. – Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Самара – 2011

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Самарский государственный университет».

Научный руководитель: доктор исторических наук, доцент
Леонтьева Ольга Борисовна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Литвин Александр Алтерович

кандидат исторических наук, доцент
Чирков Михаил Сергеевич

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова».

Защита состоится «20» октября в «15» часов на заседании диссертационного
совета ДМ 212.218.02 при ГОУ ВПО «Самарский государственный универси-
тет» по адресу: 443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Самар-
ский государственный университет».

Автореферат разослан «16» сентября 2011 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Леонтьева О.Б.

2012A
3835

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. История общественных движений в императорской России закономерно привлекает внимание современных исследователей: методологические повороты, совершившиеся в исторической науке в последней трети XX века, дали возможность на новой теоретико-концептуальной основе подойти к исследованию данной проблематики, предложить новые подходы к решению дискуссионных вопросов.

Это в полной мере относится к феномену русского нигилизма 1860-х годов, который по сей день порождает противоречивые толкования в исторической науке: предметом дискуссий являются правомерность использования самих понятий «нигилизм» и «нигилист», терминологические аспекты этих понятий, причины возникновения и социальная природа нигилизма.

Актуальность изучения нигилизма определяется тем, что он являлся важным фактором социального развития и культурной жизни, оказал существенное и многообразное влияние на внутривосточную ситуацию в России второй половины XIX века. Социокультурная среда, созданная нигилистами, стала питательной почвой для функционирования и развития революционного движения. Отдельные элементы нигилистической системы ценностей были усвоены широкими слоями образованного общества в таких важных аспектах, как отношение к искусству, образованию, науке, труду, семейной жизни. Таким образом, изучение нигилизма как социокультурного явления, уяснение его места и роли в истории России составляет насущную задачу исторической науки.

Объектом исследования является нигилистическая субкультура, то есть «культура определённой социальной группы, по некоторым параметрам отличающаяся от культуры общества в целом»¹.

Предмет исследования составляет механизм формирования и функционирования нигилистической субкультуры, характерные черты социальной психологии и коллективного сознания, свойственные её носителям.

Хронологические рамки исследования охватывают период со второй половины 1850-х до конца 1860-х годов: согласно существующей в историографии традиции, именно этот временной отрезок отождествляется с понятием «шестидесятые годы»².

Степень изученности проблемы. Отечественную историографию темы можно условно разделить на три периода: дореволюционный, советский и современный. В дореволюционный период в истолковании нигилизма сформировалось несколько подходов: консервативный и религиозно-философский (Н.Н. Страхов, Н.Я. Данилевский, авторы сборника «Вехи»), народническо-либеральный (Д.Н. Овсяннико-Куликовский, Р.В. Иванов-Разумник, А.А. Коршилов), марксистский (Г.В. Плеханов, В.В. Воровский). Традиции первых двух

¹ Brower D. Training the Nihilists. Education and Radicalism in Tsarist Russia. Ithaca-London, 1975. P.35.

² Паперно И. Семантика поведения. Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1993. С.10.

направлений были впоследствии продолжены учёными и мыслителями русской эмиграции (Н.А. Бердяев, С.А. Левицкий, В.В. Зеньковский) и оказали определённое влияние на западную историографию. Марксистское же направление окончательно сформировалось и получило дальнейшее развитие в рамках советской исторической науки.

Методологической основой для изучения нигилизма в советский период стала концепция В.И. Ленина о трёх этапах освободительного движения в России: дворянском, разночинском и пролетарском¹. Нигилизм рассматривался советскими историками как выражение социального протеста разночинной интеллигенции против крепостнических пережитков. Период с 1917 года до середины 1930-х годов был временем устойчивого интереса советских историков и литературоведов к феномену нигилизма и активной публикации мемуарно-эпистолярных источников по данной теме². С середины 1930-х до середины 1950-х годов интерес к нигилизму заметно ослаб и возродился только во второй половине 1950-х годов.

Литература 1950-1980-х годов, в которой так или иначе затрагивается тема нигилизма, чрезвычайно обширна. Чаще всего нигилизм изучался в контексте истории революционного движения. В трудах Б.П. Козьмина, Э.С. Виленской, Б.С. Итенберга, И.К. Пангина, Е.Г. Плимака и В.Г. Хороса представлены различные точки зрения на место и роль разночинцев-шестидесятников в общественном движении России, предлагаются различные варианты происхождения и истолкования термина «нигилизм»³.

В ряде работ советских исследователей 1970-1980-х годов – А.И. Новикова, С.Н. Носова, М.Г. Седова, Г.В. Краснова и В.А. Викторovichа – складывается понимание нигилизма не только как умонастроения и мирозерцания, но и формы социального поведения⁴. Вопросы, связанные с деятельностью отдельных представителей нигилистического движения, кружков и сообществ, освещены в исследованиях И.Е. Баренбаума, Е.Л. Рудницкой, Э.А. Павлюченко и других авторов⁵. Также следует отметить монографии Г.Н. Вульфсона, В.Р.

¹ Ленин В.И. Памяти Герцена // Ленин В.И. Избранные произведения в 3 т. Т.1. М., 1976. С.545-550.

² См. напр.: Богданович Т.А. Любовь людей шестидесятых годов. Л., 1929.

³ Козьмин Б.П. Два слова о слове «нигилизм» // Козьмин Б.П. Литература и история. М., 1969. С.225-237; Виленская Э.С. Революционное подполье в России. 60-е годы XIX века. М., 1965; Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. М., 1965; Пангин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. 1773-1883. М., 1986.

⁴ Новиков А.И. Нигилизм и нигилисты. Опыт критической характеристики. Л., 1972; Седов М.Г. Современники и историки о русском нигилизме // История СССР. 1984. №5. С.49-65; Носов С.Н. Русское шестидесятничество: некоторые проблемы, итоги и перспективы исследования // Русская литература. 1987. №3. С.205-217.

⁵ Баренбаум И.Е. «Кружковое» чтение разночинной молодёжи второй половины пятидесятых – начала шестидесятых годов XIX в. // Ленинградский институт культуры. Труды. Т.25. Вып.1. Л., 1973. С.77-92; Рудницкая Е.Л. Шестидесятник Николай Ножин. М., 1975; Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988.

Лейкиной-Свирской и Р.Г. Эймонтовой, в которых раскрывается социальный облик разночинной интеллигенции и студенчества середины XIX века¹.

Современная российская историография ведёт свой отсчёт с начала 1990-х годов, когда произошёл отказ гуманитариев от общеобязательной марксистской методологии и начались активные поиски новой методологической базы. В выработке нового взгляда на нигилизм оказался востребованным опыт Тартуской школы Ю.М. Лотмана с её методом семиотического анализа. И.Паперно и В.М.Живов успешно применили к анализу нигилизма культурно-антропологический подход, детально проанализировав складывание нигилистического «текста поведения» в условиях социально-политического кризиса, связанного с началом Великих реформ. Возникновение нигилизма рассматривается ими как одно из проявлений противостояния элитарной и маргинальной культур².

Е.И. Щербакова разрабатывает тему нигилизма преимущественно в направлении микроистории, на примере судеб отдельных людей и конкретных жизненных ситуаций. Её работы основаны на привлечении разнообразного фактического материала, посвящены социально-психологическому феномену «отщепенства», быту и нравам «новых людей»³.

Наряду с культурно-антропологическими исследованиями в историографии появляются и работы, авторы которых пользуются традиционными методами. В трудах Б.Ф. Егорова, А.А. Ширинянца, М.Д. Карпачёва нигилизм рассматривается в контексте формирования самосознания и политической культуры разночинной интеллигенции⁴.

Зарубежная историография русского нигилизма весьма обширна и имеет давнюю традицию. Тема нигилизма вызывала интерес у западных исследователей в контексте изучения идейных истоков революции 1917 года⁵. Наиболее значимое специальное исследование, в котором нигилизм рассмотрен в рамках интеллектуальной истории, принадлежит Э.Ламперту⁶.

¹ Вульфсон Г.Н. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале. Казань, 1974; Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971; Эймонтова Р.Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М., 1985.

² Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996; Живов В.М. Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции // Новое литературное обозрение. 1999. №37. С.37-51.

³ Щербакова Е.И. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60-80-е годы XIX века). М., 2008.

⁴ Егоров Б.Ф. Очерки по истории русской культуры XIX века // Из истории русской культуры. В 5 т. Т.5. М., 2000. С.13-389; Егоров Б.Ф. Российские утопии. Исторический путеводитель. СПб., 2007; Ширинянец А.А. Вне власти и народа. Политическая культура интеллигенции XIX – начала XX веков. М., 2002; Карпачёв М.Д. Разночинная интеллигенция как феномен политической культуры пореформенного времени // Освободительное движение в России. Вып.20. Саратов, 2003. С.73-83.

⁵ Герлин Н. История свободы. Россия. М., 2001; Биллингтон Дж. Икона и тонор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001.

⁶ Lamppert E. Some aspects of nihilism in Russian nihilism and revolution. London, 1905.

В 1970-е годы Д.Бразур и Э.Глсон применили к изучению нигилизма концепции «молодёжного бунта» и контркультуры, выдвинутые социологами для объяснения «нового левого движения» на Западе в 1960-х годах. Полемизируя с советскими историками, они утверждали, что возникновение нигилизма связано не с социальным протестом разночинцев, а с особой ролью университета в модернизирующемся обществе, с новым корпоративным сознанием, сформировавшимся у российского студенчества в период начала Великих реформ¹. М.Конфино трактует феномен нигилизма как проявление индивидуалистического бунта молодых дворян против культуры своих родителей².

В связи с возросшим во второй половине XX века интересом к гендерной истории появилось несколько монографий, в которых прослеживается эволюция «женского движения» в России в пореформенный период, в связи с чем неизбежно затрагивается тема нигилизма. Таковы работы Б.Пиетров-Эннкер и Р.Стайтса. В них также отражено представление о нигилизме как о протестной субкультуре³. В другой своей работе Р.Стайтс рассматривает русский нигилизм 1860-х годов в контексте утопической традиции в России, считая его одним из предшественников послереволюционной левой культуры 1920-х годов⁴.

Актуальность темы и степень её изученности определили цель и задачи нашего исследования. Целью работы является проследить механизмы создания и функционирования нигилистической субкультуры в контексте исторической трансформации российского общества 1850-1860-х годов. Для достижения данной цели необходимо было решить следующие задачи:

- проанализировать эволюцию историографических подходов к изучению феномена нигилизма;
- выявить совокупность «идентификационных признаков» нигилистической субкультуры и очертить её социокультурные границы;
- определить факторы возникновения нигилизма, рассмотрев их в комплексе, и сопоставить их сравнительную значимость;
- реконструировать картину мира, свойственную нигилистам, и проследить, как она влияла на их жизненное поведение;
- рассмотреть формы взаимодействия личности и коллектива в рамках нигилистического сообщества;
- изучить факторы и направления дальнейшей трансформации нигилистической субкультуры.

Источниковая база исследования. Источники, послужившие основой для написания настоящей работы, можно подразделить на несколько больших

¹ Brower D. Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. Ithaca, 1975; Gleason A. Young Russia: The Genesis of Russian Radicalism in the 1860's. NY, 1980.

² Confino M. Révolte juvénile et contre-culture. Les nihilistes russes des «années 60» // Cahiers du monde russe et soviétique. 1990. Vol. 31(4). P.489-538.

³ Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России: развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М., 2005; Стайтс Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860-1930. М., 2004.

⁴ Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. NY, 1991.

групп. Первую группу источников составляют официальные документы, как опубликованные, так и неопубликованные материалы из фондов Государственного архива Российской Федерации и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга. Это служебные записки и отчёты III Отделения и Департамента полиции, донесения полицейских чиновников и секретных агентов, документы цензурного ведомства. В них собран фактический материал о формах коллективной самоорганизации нигилистов – кружках, коммунах и артелях, представлен взгляд официальных органов власти Российской империи на проблему нигилизма, на причины его возникновения и широкого распространения среди молодёжи¹.

Следующая, самая многочисленная группа источников, представлена источниками личного происхождения – мемуарами и перепиской участников и современников нигилистического движения 1860-х годов. Из всей мемуарной литературы наибольшее внимание мы сосредоточили на мемуарах участников нигилистического движения, которые позволяют выяснить, как сами нигилисты интерпретировали свой социальный опыт, как признаки, характерные для нигилистической субкультуры, отражались в реальном поведении её носителей. Наиболее информативны воспоминания Е.Н. Водовозовой, С.В. Ковалевской, А.М. Скабичевского, П.А. Кропоткина, Н.В. Шелгунова². Мемуары деятелей, смотревших на нигилизм «со стороны» (А.В. Никитенко, П.Д. Боборыкина), позволяют выявить, как воспринимался нигилизм в общественном сознании³.

Третью группу источников составляют произведения публицистического характера. Это, во-первых, сочинения идейных вождей нигилизма, сотрудников ведущих демократических журналов – Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, В.А. Зайцева, Н.В. Соколова. Второй тип источников в данной группе – публицистические работы, посвящённые характеристике феномена нигилизма и написанные либо в 1860-е годы, либо в хронологически близкое к ним время. Произведения, входящие в данную подгруппу, представляют особый научный интерес и как источники, и как историографические факты: они дают возможность выяснить, как воспринимали и толковали нигилизм представители различных идейных течений в русском обществе – Н.Н. Страхов, Ф.М. Достоевский, М.Н. Катков, А.И. Герцен и др.

Следующая группа источников – художественная литература. К этой категории относятся, прежде всего, два «ключевых текста» эпохи – роман И.С.

¹ ГАРФ. Ф.109. Оп. 1а. Д.243, 247, 256, 587; ЦГИА СПб. Ф.218. Оп.1. Д.18; ЦГИА СПб. Ф.339. Оп.1. Д.68; Россия под надзором. Отчёты III отделения. 1827-1869. Сборник документов. М., 2006; «Знаменская коммуна». Полицейские и агентурные документы // Литературное наследство. Т.71. М., 1963. С.446-460; Отзыв цензора О.А. Пржевальского о «Что делать?» Н.Г.Чернышевского // Горячим словом убежденья. «Современнику» Некрасова-Чернышевского. М., 1989. С.480-489; Записка III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. 8 мая 1864 года // Горячим словом убежденья. С.508-517.

² Водовозова Е.Н. На заре жизни. В 2-х т. Т.1,2. М., 1987; Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. М., 1961; Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. М., 2001; Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1920; Шелгунов Н.В. Воспоминания. В 2 т. Т.1. М., 1957.

³ Никитенко А.В. Публицист. В 3 т. Т.1,2,3. М., 2005; Боборыкина И.Д. Воспоминания. В 2 т. Т.1. М., 1955.

Тургенева «Отцы и дети» и роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?», герои которых стали для нигилистов образцами человеческой личности, а также «нигилистические» и «антинигилистические» романы, где отражены образы нигилистов, конструируемые ими самими и их идейными противниками.

Методологической основой диссертационной работы является сочетание культурно-антропологического подхода, позволяющего реконструировать ценностные установки русских нигилистов 1860-х годов и их проявления в повседневной жизни, и социологического подхода, дающего возможность рассмотреть нигилизм в контексте его эпохи, перехода российского общества от одной формации к другой. Применялись следующие методы исследования: историко-генетический, историко-антропологический, сравнительно-исторический, социально-психологический анализ.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нём осуществлён комплексный анализ нигилизма как социокультурного явления России 1860-х годов. Предложено решение дискуссионного вопроса о концептуально-терминологических рамках понятия «нигилизм», исследована внутренняя структура нигилистического сообщества. Выявлены и систематизированы социокультурные факторы возникновения нигилизма. Проведён анализ структурообразующих элементов нигилистической субкультуры: системы ценностей, модели бытового поведения, институциональных связей. Поставлена проблема внутреннего кризиса нигилистической субкультуры во второй половине 1860-х годов, выявлены его причины и направления дальнейшей эволюции нигилизма.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Нигилистическая субкультура возникла как результат ряда взаимообусловленных процессов, связанных с кризисом крепостнического общественного уклада во второй половине 1850-х годов: демократизации системы высшего образования и усиления роли разночинцев в интеллектуальной жизни общества, вступления дворянства в фазу нисходящей социальной мобильности, «сбоя» в системе социализации подрастающего поколения.

2. Нигилистическое сообщество 1860-х годов имело многослойную, трёхуровневую структуру. Оно включало в себя «основной круг», то есть субкультуру в собственном смысле этого слова – сообщество, объединённое общими ценностями, образом жизни и формами коллективной самоорганизации; входивший в её состав «внутренний круг» политических активистов; «внешний круг» «сочувствующих» и «примыкающих», включённых в субкультуру эпизодически или не в полной мере.

3. Систему взглядов нигилистов можно считать специфическим вариантом просветительской идеологии, в силу конкретно-исторических обстоятельств места и времени принявшей социалистическую идейную окраску. Комплекс идей и ценностей, свойственных нигилистам – антропоцентризм, утилитаризм, рационализм, эгалитаризм – сформировался как результат стремления разночинной молодёжи к обоснованию своей культурной гегемонии, и впоследствии стал фактором, определяющим поведение и образ жизни нигилистов.

4. Бытовому поведению в нигилистической субкультуре придавался идеологический смысл. Модель жизненного поведения нигилиста, включавшая

в себя общественно полезный интеллектуальный труд, скромность в быту, показную небрежность в одежде, прямоту в общении, равноправие в отношениях между мужчиной и женщиной, являлась отражением социального опыта разночинцев и строилась в противовес дворянскому образу жизни.

5. Высокая степень групповой сплочённости нигилистической субкультуры обеспечивалась прочными институциональными связями и механизмами взаимодействия между личностью и коллективом. Кружки, коммуны и артели выполняли в нигилистической субкультуре функцию институтов социализации молодого поколения, альтернативных официальным – семье, школе и церкви.

6. Во второй половине 1860-х годов нигилистическое сообщество столкнулось с проблемой социально-демографических и культурных «пределов роста» и вступило в полосу кризиса, который проявился в сокращении численности субкультуры, в размывании прежней структуры сообщества, в конфликте поколений среди нигилистов, в пересмотре ими некоторых идей и ценностных установок. В течение 1870-х годов на почве нигилизма выросли три генетически связанные, но несхожие между собой социокультурные явления: профессиональная субкультура земской интеллигенции, эскапистская субкультура коммунистического движения и политическая субкультура революционного подполья.

Научно-практическая значимость исследования выражается в возможности использования его результатов в дальнейшей научной разработке проблем интеллектуальной истории России, истории общественного движения России второй половины XIX века, истории русской культуры. Отдельные сюжеты и материалы диссертации могут быть применяться при составлении учебно-методических материалов и пособий, при чтении лекций и специальных курсов по отечественной истории, в качестве основы для проведения семинарских занятий. Результаты исследования также могут быть использованы в ходе изучения и анализа современных молодёжных субкультур.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре истории России Самарского государственного университета. Основные положения и результаты исследования были изложены на Всероссийских Платоновских чтениях (г. Самара, 2008-2010), всероссийских научных конференциях «Российское общество в современных цивилизационных процессах» (г. Санкт-Петербург, 2010), «Национальный/социальный характер: археология идей и современное наследие» (Нижний Новгород, 2010), научном семинаре «Проблемы методологии и источниковедения в историческом исследовании» (г. Самара, 2010). По теме диссертации опубликовано 10 научных работ, в том числе 3 статьи в журналах, включённом ВАК РФ в перечень ведущих научных журналов, издаваемых в РФ.

II. СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Структура диссертации строится в соответствии с заявленной целью и задачами. Работа состоит из введения, трёх глав, десяти параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, его территориальные и хронологические рамки, методологическая основа, степень изученности проблемы, научная новизна, цель и задачи, анализируется источниковая база, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава посвящена теоретическим аспектам изучения нигилизма. В первом параграфе рассматривается эволюция историографических концепций и подходов к изучению феномена нигилизма. В дореволюционной отечественной историографии сформировалось несколько направлений в истолковании нигилизма: консервативное и религиозно-философское, народническо-либеральное, марксистское. Характерной особенностью дореволюционной историографии является то, что большинство авторов не были профессиональными историками и их труды носили не научный, а публицистический или философский характер. Представители первых двух направлений рассматривали нигилизм как «умственное течение», как феномен общественной мысли, не уделяя или почти не уделяя внимания его «социальному измерению».

Советская историография в сравнении с дореволюционной отличается большей научностью, достаточной широтой источниковой базы. Марксизм, используемый в качестве общеобязательной методологической основы, позволял рассмотреть нигилизм 1860-х годов в конкретно-историческом контексте, как явление, сопутствующее смене формаций. Но в большинстве работ нигилизм не фигурировал в качестве самостоятельного объекта исследования, оказываясь в тени революционного движения и нередко смешиваясь с ним. По этой причине внимание большинства исследователей в советский период, как и до Октябрьской революции, было сосредоточено на идейной стороне нигилизма, на взглядах его ведущих идеологов. Вопрос о нигилизме как социокультурном явлении был в советской историографии поставлен, но не получил подробного освещения.

В зарубежной историографии в 1970-е годы в связи с «антропологическим поворотом» в исторической науке и развитием междисциплинарных исследований сформировалась концепция нигилизма как субкультуры или контркультуры. Культурно-антропологический подход оказал значительное влияние на современную российскую историографию и стал стимулом для рассмотрения нигилизма как социокультурного явления. Этот подход даёт ключ к пониманию нигилизма как особого типа культуры, помогает уяснить основные критерии принадлежности к нему.

Вместе с тем, культурно-антропологический подход в применении к исследуемой теме обнаружил и свои слабые стороны, которые выражаются в «модернизации» нигилистической субкультуры, сосредоточении внимания на внешних признаках, символах и знаках при отказе от решения принципиальных вопросов об исторической обусловленности, роли и значении нигилизма. Нам представляется, что для разрешения этих вопросов необходимо сочетание культурно-антропологического подхода с социологическим, позволяющим рассмотреть нигилизм в контексте своей эпохи, в контексте межформационного перехода, который происходил в то время в России.

Во *втором параграфе* рассматриваются концептуально-терминологические рамки понятия «нигилизм», анализируются бытовавшие среди современников трактовки этого понятия, делается вывод о внутренней структуре нигилистического сообщества. Нигилизм мог трактоваться как «учение», интеллектуальное направление, характеризовавшееся критическим отношением к существующему строю и официальной идеологии. При таком толковании теряется своеобразие нигилизма как феномена именно 1860-х годов, ведь все составные части «нигилистического» образа мыслей были характерны для радикальных интеллектуалов ещё в 1840-е годы, и игнорируется его социальный аспект, стираются границы, отделяющие его от общей массы «прогрессистов» 1850-1860-х годов. А эти границы были достаточно чёткими и очевидными как для самих нигилистов, так и для тех, кто с ними близко соприкасался.

В официальном лексиконе и консервативной печати на протяжении 1860-1880-х годов всё больше усиливался политический оттенок термина «нигилист», который употреблялся применительно к участникам революционных организаций. Политизация понятия «нигилист» отражала реальные изменения, происходившие в разночинской среде на протяжении 1870-х годов, но применительно к 1860-м годам подобное толкование термина неправомерно сужает его границы: сами деятели революционного движения признавали нигилизм явлением более широким и значительным, чем революционное подполье.

Наконец, третья трактовка нигилизма состоит в том, что это было индивидуалистическое движение, стоявшее в стороне от политических и социальных вопросов, направленное исключительно на освобождение личности от семейных, религиозных и бытовых традиций. В подобной трактовке главным признаком, объединяющим нигилистов, выступают символы и знаки, демонстрировавшие их принадлежность к сообществу: одежда, речь, стиль поведения. Однако данный подход игнорирует идейное содержание нигилистической субкультуры, её сущностную черту – направленность на преобразование общества; «внутри» субкультуры попадают люди, в действительности находящиеся «около», причисляемые к ней исключительно по формальным признакам.

Все перечисленные варианты понимания нигилизма имели свои основания в реальной жизни, в то же время каждое из этих определений страдает неполнотой или, напротив, чрезмерной широтой. Множественность определений нигилизма показывает, что в реальности это была многослойная общность, в которой объединялись люди с различной мотивацией.

Нигилизм 1860-х годов представляется нам в виде многослойной, трёхуровневой структуры. Её стержнем был сообщество, условно обозначенное нами как «основной круг», объединённый формами коллективной самоорганизации и общими ценностями, на основе которых выстраивалась чёткая система правил и требований, регулировавших повседневную жизнь человека. Внутри него выделялся более узкий и постепенно всё больше обособлявшийся «внутренний круг» профессиональных революционеров, для которых задачи культурного строительства имели подчинённый характер по отношению к политической борьбе. Существовал также «внешний круг», представлявший собой своеобразную «буферную зону» между нигилистической субкультурой и

«внешним миром». Это могли быть «сочувствующие» – люди, разделявшие многие из провозглашавшихся нигилистами идей, но не принимавшие их образа жизни, или «примыкающие», для которых принадлежность к нигилизму ограничивалась заимствованием отдельных элементов нигилистического «стиля жизни» или фразеологии.

Во второй главе рассматриваются факторы, способствовавшие возникновению нигилистической субкультуры. В *первом параграфе* рассматривается общественно-политическая ситуация в России, сложившаяся к моменту начала Великих реформ. Поражение России в Крымской войне, ставшее стимулом к началу преобразований, положило начало радикальной переоценке ценностей в сознании общества, прежде всего молодёжи. Молодые люди значительно быстрее, чем раньше, приобщались к социальной активности, что было связано с серьёзными переменами в системе образования во второй половине 1850-х годов. Сочетание элитарного характера университетов с резкой демократизацией их аудитории сделало студенчество самым ярким выразителем критического антифеодалного умонастроения, возникшего в обществе.

По мере того, как ожидания радикальной молодёжи приходили вразрез с реальной практикой правительства, доверие к власти уступало место растущей оппозиционности. Решающую роль сыграли события 1861 года – разочарование в крестьянской реформе и студенческие беспорядки в Петербурге. К началу 1860-х годов критическое умонастроение молодёжи кристаллизовалось в чувство отчуждения, то есть непричастности к господствующей культуре, которое и стало объединяющим для нигилистического сообщества.

Второй параграф посвящён влиянию разночинцев на формирование нигилистической субкультуры. Доля разночинцев среди лиц интеллектуальных профессий увеличивалась с 1840-х годов, а особенно заметно – со второй половины 1850-х годов, когда высшее образование стало более доступным для выходцев из непривилегированных слоёв. Отвергнув культуру той социальной среды, где они росли, разночинцы-интеллигенты оставались чужаками и для образованного общества, преимущественно дворянского, и в связи с этим испытывали чувство социальной неполноценности.

Во второй половине 1850-х годов, когда разночинная интеллигенция выросла численно и стала влиятельной общественной силой, появилась потребность в выработке коллективного самосознания. Кризис господствующей культуры давал образованным разночинцам возможность преодолеть свои социально-психологические комплексы. На смену попыткам интеграции в дворянское общество приходит открытый вызов этому обществу и его ценностям и утверждение собственной правоты. То, что прежде считалось недостатками – незнатное происхождение, бедность, невладение светскими формами общения – теперь начинает восприниматься ими как достоинства. Черты социального характера разночинцев, которые сложились под влиянием объективных условий их жизни – скромность в быту и одежде, трудолюбие, вера в силы и разум человека, неприятие традиций – стали теперь сознательно и целенаправленно культивироваться ими. Сформировавшись на этой основе комплекс идей и

представлений стал для представителей нигилистической субкультуры руководством к действию и ориентиром в повседневной жизни.

Точка зрения о решающем влиянии разночинцев на возникновение нигилизма в последние полвека подвергается критике со стороны многих зарубежных исследователей (Д.Брауэр, Э.Глисон, М.Конфино), которые полагают, что среди нигилистов большинство составляла дворянская молодёжь. Выяснить точный социальный состав нигилистического движения вряд ли возможно, прежде всего, по причине нехватки фактических данных: субкультура – не политическая или общественная организация с фиксированным членством. Однако гораздо важнее сам факт влияния разночинцев, с описанными выше особенностями их социальной психологии, на молодых дворян, который находит многочисленные подтверждения в источниках. Разночинцы стали среди радикальной молодёжи образцом для подражания не только во взглядах и ценностных установках, но и в одежде, речи, манерах и других внешних признаках.

Третий параграф посвящён причинам, обусловившим массовое участие дворянских детей в нигилистическом движении. М.Конфино считает главной причиной бунта молодых дворян конфликт поколений, нежелание «детей» подчиняться произволу со стороны «отцов». Однако анализ источников показывает, что в дворянских семьях авторитарность в воспитании вполне могла сочетаться с прогрессивными убеждениями родителей, и в этом случае «конфликта поколений» не наблюдалось. Могла быть и обратная ситуация, когда дети не испытывали особенного гнёта со стороны родителей до тех пор, пока не начинали проявлять интерес к радикальным идеям. Таким образом, конфликт поколений был не причиной, а следствием идейного размежевания между «отцами» и «детьми» в дворянских семьях. Отказ молодых дворян от культуры и ценностей своих родителей был вызван не их протестом против «семейного деспотизма», а начавшимся процессом утраты дворянством своего прежнего социального статуса.

Подготовка и осуществление крестьянской реформы, развернувшаяся критика крепостничества вызвали у многих дворян кризис самоопределения, чувство личной вины за владение «живыми душами». Принадлежность к «первенствующему сословию» вдруг стала непривлекательной. Дети воспринимали ситуацию всеобщей переоценки ценностей с особенной остротой и стремились отмежеваться от «эксплуататорской» социальной роли своих родителей. Кроме того, отмена крепостного права сильно ударила по экономическому положению мелкопоместных дворян. Их дети были вынуждены жить трудом своих рук, фактически не отличаясь от разночинцев. В их глазах престиж дворянского титула падал из-за того, что претензии и амбиции родителей не соотносились с их бедственным материальным положением. «Дети» остро ощущали противоречивость своего социального положения; становясь в ряды «передовой молодёжи», они получали возможность избавиться от этого гнетущего чувства.

Таким образом, стимулом к разрыву со своей социальной средой для молодых дворян был либо альтруистический протест против наследия «отцов», либо материальная необходимость, толкавшая их в ряды «мыслящего пролетариата» и фактически превращавшая в разночинцев.

В четвертом параграфе рассматриваются идейные влияния на образованную молодёжь как один из факторов формирования нигилистического общества. Представители консервативной и религиозно-философской историографии приписывали решающую роль в становлении нигилизма распространению радикальных философских и политических идей, подчёркивали бездумный, механический характер усвоения радикальной молодёжью западноевропейских теорий. Однако изучение источников не позволяет утверждать, что молодой человек обычно становился нигилистом после прочтения иностранной литературы. Чаще проявлялась обратная зависимость: если он вовлекался в нигилистическое сообщество, то начинал читать иностранную литературу, чтобы соответствовать «уровню времени» и почерпнуть аргументы, обосновывающие избранную им систему взглядов и ценностей. Труды Л.Фейербаха, Г.Бюхнера, Ф.Шлоссера и других авторов пользовались таким огромным успехом у молодёжи именно потому, что удовлетворяли запросы, возникшие у неё в ситуации кризиса общественного строя и его официальной идеологии – низвергнуть старые представления о человеке и его месте в мире и обосновать новые.

Огромную роль в формировании убеждений «новых людей» играли ведущие радикальные журналы того времени – в первую очередь «Современник» и «Русское слово». Стимулом к чтению журналов часто было желание почувствовать свою принадлежность к «передовым людям». Потребность в чтении возникла под влиянием событий общественной жизни и атмосферы эпохи. Журналы отражали состояние общества и именно в силу этого пользовались широкой популярностью.

Большое влияние на умы будущих нигилистов имела и беллетристика, в том числе произведения Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, А.Н. Островского, не содержавшие сами по себе ничего «нигилистического». Причина влияния заключалась в том, что художественная литература, как и публицистика, отражала кризисную ситуацию в российском обществе середины XIX века, и именно поэтому была востребована читателем, в том числе и будущими нигилистами.

Особую роль играли те художественные произведения, герои которых задавали конкретный жизненный сценарий. Тургеневский Базаров и «новые люди» Чернышевского стали для читателя моделями человеческой личности, пригодными для подражания в реальной жизни. И «Отцы и дети», и «Что делать?», и последовавшие за ними «нигилистические романы» отражали реальный процесс складывания нигилистического сообщества и вместе с тем давали молодёжи конкретную программу поведения, то есть «конструировали реальность» не произвольно, а опираясь на факты и тенденции, уже существовавшие в этой реальности. Жизнь давала первичный материал для литературы, а литература создавала модели людей и отношений между ними, пригодные для подражания.

Таким образом, возникновение нигилистической субкультуры не может быть объяснено широким хождением революционно-демократических журналов, научных трудов или «идейной» беллетристики. Радикальные идеи приобретали популярность лишь в тех специфических условиях общественной жизни, которые были характерны для России конца 1850-х – начала 1860-х годов.

В третьей главе реконструируются основные элементы субкультуры – система ценностей, образ жизни и формы коллективной самоорганизации, рассматривается проблема кризиса и дальнейшей эволюции нигилизма. В *первом параграфе* рассматривается генезис и особенности системы убеждений и ценностных установок, свойственных нигилистам. Атмосфера переломной эпохи рождала у молодёжи убеждение в историческом, переходящем характере ценностей, которые раньше принято было считать абсолютными и вечными. Неприятие нигилистами этических, эстетических, религиозных и прочих традиций было обусловлено тем, что эти традиции рассматривались как неотъемлемый атрибут «социально чуждой» разночинцам культуры.

Нигилисты, отвергая религиозную картину мира, отводили человеку место, прежде занимаемое богом. Мироощущение «новых людей» включало в себя представление о принципиальной изменчивости человеческой природы, возможности сознательного совершенствования человеком общества и самого себя. Рационализм нигилистов доходил до игнорирования объективных закономерностей развития общества: отрицательные стороны межличностных и общественных отношений объяснялись, в конечном счёте, интеллектуальной неразвитостью. Вера в силы и разум человека сформировалась как отражение социального опыта разночинного интеллигента, который всем своим положением был обязан приобретённым знаниям и личной активности.

Система ценностей нигилистов, имевшая ярко выраженную антифеодалную направленность, имела много общих черт с западноевропейским просветительством XVIII века. Однако в силу разницы исторических условий она отличалась своей спецификой, в частности, более или менее явно выраженной приверженностью коллективистскому общественному идеалу и идеям утопического социализма, к которым разночинная интеллигенция была восприимчива в силу своего социального положения. Социализм для нигилистов был не только отвлечённым идеалом, но и руководством к преобразованию своей повседневной жизни с целью реализации коммунистических межличностных отношений «здесь и сейчас».

Второй параграф раскрывает, какую программу жизненного поведения нигилисты выстраивали на основании своих убеждений и ценностных установок. «Нигилистический образ жизни» подразумевал культ труда и «честной бедности», сознательный отказ от всякой роскоши и излишеств. В сфере межличностного общения нигилистами отвергались все внешние атрибуты «хорошего тона», характерные для элитарной культуры. Модель бытового поведения нигилиста имела идеологический смысл и формировалась в противовес стереотипам и установкам дворянского общества. Намеренно провокационным поведением нигилисты показывали своё неприятие сословных предрассудков и социального неравенства.

Инициатива в утверждении нового образа жизни шла от разночинной провинциальной молодёжи, в большом количестве пополнившей университеты во второй половине 1850-х годов. Впоследствии «разночинская» модель бытового поведения стала целенаправленно культивироваться всеми, кто отождествлял себя с новой общностью, вне зависимости от своего происхождения.

В *третьем параграфе* рассматриваются институциональные связи, объединявшие участников нигилистической субкультуры. Формами, обеспечивающими взаимодействие между личностью и коллективом в нигилистической субкультуре, были кружки, коммуны и артели. Эти институты коллективной самоорганизации, возникшие в студенческой среде как инструмент решения внутренних проблем, были взяты нигилистами на вооружение и наполнены собственным идейным содержанием.

Кружок представлял собой относительно устойчивое объединение, связанное общностью убеждений, дружескими узами и совместной деятельностью, чаще всего самообразованием. Побудительным стимулом к созданию кружка были общие интеллектуальные интересы, потребность в получении тех знаний, которые нельзя было получить посредством официальной системы образования.

Развитие элементов материальной взаимопомощи внутри кружка могло привести к идее не только совместного времяпрепровождения, но и совместного проживания единомышленников. Термин «коммуна» использовался для обозначения группы людей, живущих на одной квартире и совместно ведущих домашнее хозяйство на общие средства. Подобные объединения были широко распространены в среде разночинной учащейся молодежи, зачастую безо всякой идейной подоплёки. Нигилистам лишь оставалось наполнить уже возникшую форму новым идейным содержанием. Коммуны стали рассматриваться как способ практического осуществления социализма в повседневной жизни, создания социальной среды, в которой взаимопомощь, открытость и альтруизм становились бы естественными свойствами человека.

Наряду с коммунами существовали артели, участники которых пытались организовать на социалистических началах не только потребление, но и производство. Создание «производительных ассоциаций» давало разночинным интеллигентам возможность, во-первых, обеспечить себе надёжный заработок, не находясь при этом в зависимости от работодателя и получая моральное удовлетворение от занятия «честным трудом», а во-вторых, показать на практике привлекательность и осуществимость социалистических идей. Самыми распространёнными видами деятельности для участников артелей стали швейное дело, а также типографская, переплётная и издательская работа.

Все перечисленные формы коллективной самоорганизации, показав свою несостоятельность в качестве механизмов изменения общества, оказались вместе с тем действенными механизмами воспитания «нового человека». Нигилистическим сообществом была выстроена целая система институтов социализации, альтернативных официальным – семье, школе и церкви: коллектив единомышленников удовлетворял потребности молодого человека в групповой поддержке и тесных личных контактах, в получении знаний и в формировании картины мира.

Четвёртый параграф посвящён проблеме кризиса нигилистической субкультуры во второй половине 1860-х годов и её дальнейшей эволюции. Поворотным для нигилистической субкультуры стали события 1866 года – покушение на И.Е. Кавказского на Александра II и последовавшее уничтожение гильотины.

лизации молодого поколения. Возникновение нигилистической субкультуры в среде образованной молодёжи было совокупным результатом этих процессов. Ведущую роль в становлении этой общности сыграли разночинцы, которые, преодолев свои прежние социально-психологические комплексы, стали среди молодёжи образцом для подражания не только во взглядах и ценностных установках, но и в одежде, речи, манерах и других внешних признаках. За ними следовало младшее поколение дворянства, разрывавшее связи с культурным и бытовым укладом жизни своих родителей.

Нигилизм 1860-х годов представлял собой многослойную, «трёхуровневую» структуру. Его стержнем можно считать «основной круг» – субкультуру в собственном смысле этого слова. Внутри неё выделялся более узкий и постепенно всё больше обособлявшийся «внутренний круг» политических активистов. Представители «внешнего круга», «сочувствующие» и «примыкающие», были включены в субкультуру не в полной мере, являясь одновременно своеобразным фоном и резервуаром для неё.

Участников нигилистического сообщества объединяли между собой общая система ценностей, модель бытового поведения, институциональные связи. Среди основных элементов нигилистической картины мира можно выделить следующие: *антропоцентризм* – вера в человека, в его способность менять свою природу и преобразовывать общество, отрицание религии и традиционной культуры в целом; *рационализм* – признание разума движущей силой общественного развития; *утилитаризм* – утверждение приоритета «общественной пользы» как главного критерия при оценке тех или иных явлений жизни; *эгалитаризм* – утверждение принципиального равенства всех людей вне зависимости от социальной, национальной, половозрастной принадлежности. Нигилистическую систему ценностей можно считать специфическим вариантом просветительства, возникшим на почве полупериферийной страны в эпоху, когда Западная Европа уже давно шла по пути промышленного капитализма, а Россия только вступала на этот путь, и в силу этого принявшим социалистическую идейную окраску.

Бытовому поведению в субкультуре «новых людей» придавался идеологический смысл. Своими поступками, иногда намеренно демонстративными и провокационными, нигилисты бросали вызов стереотипам элитарной дворянской культуры. Основными компонентами модели одобряемого поведения были общественно полезный интеллектуальный труд, скромность в быту, показная небрежность в одежде, прямота в общении, равноправие в отношениях между мужчиной и женщиной.

Высокая степень групповой сплочённости нигилистического сообщества обеспечивалась механизмами взаимодействия между личностью и коллективом в виде кружков, коммун и артелей. Каждый следующий из этих институтов нигилистической субкультуры был по степени интеграции выше предыдущего: так, развитие элементов материальной взаимопомощи внутри кружка могло привести к идее совместного проживания единомышленников в коммуне, а дальше – к идее организовать на социалистических началах не только потребление, но и производство. Все эти формы коллективной самоорганизации сыг-

рали существенную роль в качестве институтов социализации молодого поколения, альтернативных официальным – семье, школе и церкви.

Катализатором внутреннего кризиса нигилистической субкультуры стали события 1866 года – покушение Д.В. Каракозова на императора Александра II, после которого принадлежность молодого человека к среде нигилистов стала приравниваться властями к открытому политическому неповиновению. Кризис проявился в нескольких аспектах. В количественном отношении произошёл значительный отток людей из нигилистического сообщества. Структурный кризис проявился в практически полном исчезновении «внешнего круга» и фактическом расширении «внутреннего круга» политических активистов за счёт «основного». Обострилась проблема конфликта поколений внутри нигилистической субкультуры: старшие стремились «приспособиться к действительности», эволюционировали в сторону умеренности, отказа от «нигилистических замашек», а младшие, напротив, двигались в сторону политизации и радикализации. Идеиный кризис, связанный с расхождением между желаемым и действительным направлением общественного развития и осознанием «мыслящими реалистами» собственной изолированности, сопровождался отказом от некоторых элементов просветительской идеологии, трансформацией нигилистического уонастроения в народническое.

В результате дальнейшей эволюции на почве нигилизма 1860-х годов выросли» как минимум три несхожие между собой субкультуры: профессиональная субкультура земской интеллигенции, эскапистская субкультура коммунистического движения и политическая субкультура революционного подполья. Такое разнообразие «наследников» подтверждает мысль о многослойном, внутренне неоднородном характере нигилистического сообщества. Будучи относительно аморфным, оно сочетало в себе черты субкультур разного типа: возрастной, политической, профессиональной, субкультуры образа жизни и даже религиозной. Уникальность нигилистической субкультуры заключалась в том, что для её носителей социальная активность и личностное развитие были неразрывно связаны, организация собственной жизни согласно определённым принципам рассматривалась как пролог к переустройству всего общества и как средство такого переустройства.

Тот факт, что от нигилистов вели свою «родословную» представители самых разных интеллигентских групп и идейных направлений, свидетельствует о немаловажной роли, которую нигилизм сыграл в культурной истории России. Значение нигилистической субкультуры, при всей количественной незначительности данного явления, далеко выходит за рамки периода 1860-х годов или даже эпохи Великих реформ в целом. Появление «новых людей» стало импульсом к окончательному оформлению разночинской, демократической линии в российской культуре и одновременно нанесло ощутимый удар по официальной идеологии, положило начало длительному процессу расшатывания традиционных сословных норм сознания и поведения, одним из последствий которого стали три российские революции XX века.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи, опубликованные в перечне периодических научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Ицкович М.А. Субкультура русского нигилизма 1860-х годов и её социальная направленность // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т.11. №6 (32). С.61-65. 0,45 п.л.
2. Ицкович М.А. «Новые люди» 1860-х годов в исторической памяти конца XIX – начала XX века // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т.12. №2 (34). С.235-242. 0,8 п.л.
3. Ицкович М.А. Формы взаимодействия личности и коллектива в нигилистической субкультуре России 1860-х годов // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. №23. 2011. С.437-440. 0,45 п.л.

Статьи в других изданиях:

4. Ицкович М.А. Идея и практика личного самосовершенствования в культуре русского нигилизма 1860-х годов // Платоновские чтения. Материалы и доклады XIV Всероссийской конференции молодых историков. Самара, 2008. С.130-132. 0,11 п.л.
5. Ицкович М.А. Женщина, семья и брак в культуре русского нигилизма второй половины XIX века // Вестник Института печати СГАУ. Гуманитарные науки. Вып.1. Самара, 2009. С.46-50. 0,44 п.л.
6. Ицкович М.А. Мемуары «новых людей» 1860-х годов как исторический источник // Платоновские чтения. Материалы и доклады XV Всероссийской конференции молодых историков. Самара, 2009. С.168-170. 0,11 п.л.
7. Ицкович М.А. «Новые люди» 1860-х и 1920-х годов: преемственность субкультур // Российское общество в современных цивилизационных процессах. Материалы Всероссийской научной конференции «Четвёртые чтения по истории российской социологии». СПб., 2010. С.391-399. 0,48 п.л.
8. Ицкович М.А. Русский нигилизм 1860-х годов: терминологические рамки // Платоновские чтения. Материалы и доклады XVI Всероссийской конференции молодых историков. Самара, 2010. С.147-149. 0,13 п.л.
9. Ицкович М.А. Социальный тип «нигилиста» в России 1860-х годов и его дальнейшая эволюция // Национальный/социальный характер: археология идей и современное наследие. Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2010. С.118-120. 0,12 п.л.
10. Ицкович М.А. Образ «новых людей» 1860-х годов в мемуаристике конца XIX – начала XX века // Проблемы методологии и источниковедения в историческом исследовании. Сборник материалов ежегодного научного семинара Самарского регионального отделения Российского общества интеллектуальной истории. Самара, 2011. С.68-76. 0,43 п.л.

Подписано в печать 6 сентября 2011 г.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.

Объём 1 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 2047.

443011 г. Самара, ул. Академика Павлова, 1. Отпечатано УОП СамГУ.

12 - 3835

2012A

3835